

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МЕЧТА

Подвиг № 1

Началось все с мечты — создавать красивые платья. Помню свою первую работу в Москве в две тысячи шестом году. В большой неуютной комнате, бок о бок с десятком офисных сотрудников, я тайком разглядывала глянцевого журнала, который прятала под столом. Долистала до коллекции Александра Маккуина, по коже прокатилась волна мурашек. Тогда еще не понимала, что мое призвание тоже где-то рядом. Игнорируя знаки тела, я продолжала трудиться из угасающих сил над дизайном упаковки, сайта и полиграфии для дешевой марки косметики. Руководство это устраивало: средний дизайн среднего продукта для среднего потребителя. Мне казалось, что я застряла где-то между версткой задников для нескончаемых тюбиков с кремами и баннеров с изображениями лекарственных растений. Все дни были похожи друг на друга. Все будни трех лет как один замедленный неказистый день сурка.

Я познала многие прелести офисной культуры: субординацию, скучнейший дресс-код, наказание рублем, заговоры,

гонение коллективом, бойкот, разгульные корпоративы и бес-системный контроль со стороны руководства.

Я не видела выхода из сложившейся ситуации и загнала себя в порочный круг. Мне не хватало мудрости понять, что происходит, и не хватало смелости разобраться с этим. Казалось, если уволюсь, умру с голоду где-нибудь на улице. Мне действительно так казалось, даже нет, не так: я была в этом уверена. У меня были четкие установки из детства, что нужно много работать, чтобы мало зарабатывать. Что я должна рассчитывать только на себя и не просить помощи. Что неспособна сделать свой проект, приносящий изобилие, и не достойна чего-то большего. Я совсем забыла, как звучит мой внутренний голос, по вечерам заглушая его алкоголем под злые байки о несовершенстве руководителей. И открыла в себе дар язвительного непризнанного гения, который ничего не создал, и философа, которого слушал один человек — мой бойфренд.

Я часто болела, вернее болела каждый день, с поправкой лишь на то, смогу ли в таком состоянии выйти на работу или нет. Симптомы были разные — от ангины и пониженного давления до панкреатита, но суть одна — тотальное неудовлетворение.

Ранним утром я шла на работу по пустырю от метро «Полежаевская» вдоль бесконечного бетонного забора с нецензурными надписями до 5-й Магистральной как можно дольше, чтобы отсрочить начало рабочего дня. Пятнадцать минут маршрута растягивались в мои двадцать пять минут тошноты, которая непременно наступала при воспоминании о предстоящих рабочих процессах. Было ветрено и грязно на стихийной пустынной тропе, было страшно и опасно идти в ногу с маргиналами, вышедшими опохмелиться. Но это были лучшие двадцать пять минут свободы за весь рабочий день.

Я приходила в офис, отмечалась, получала первую докладную от охранника за опоздание и поднималась на свое рабочее место. Неудобный стол и стул, расположенные в проходе возле колонны; серые стены; яркие мигающие люминесцентные лампы и всегда опущенные кривые жалюзи на окнах «выстегивали» с первых же минут. Принесенные из дома денежное дерево, фиалка и даже кактус умерли в первую же неделю.

— Дарья, — прокатился мужской рык по второму этажу здания. Все замерли, гадая, пострадают они «прицепом» или нет.

Я неслась по длинному мрачному коридору в кабинет руководителя и владельца семейного бизнеса в одном лице Дмитрия Крыжина, выстукивая каблуками марсельезу. За столом переговоров уже собрались все его жены, кровные родственники и сваты. Скромно зависаю в дверях, распознавая настроение.

— Ну, а что вы там висите? Проходите, присаживайтесь и объясните, почему еще не готова верстка буклета?

— Я тружусь над вашим заданием по разработке имиджа в журнал «Л'Этуаль», который сдавать завтра.

— Почему вы не поручили верстку Наталье?

— Она не владеет Кварком*.

— Отдайте ей верстку задников.

— Я давала, но вам не понравился результат.

— Чем тогда она занята?

— Разбирает и сканирует прессу.

— Дизайнер за семьсот долларов сканирует прессу? — закипает Дмитрий. — Вы что, неспособны обучить человека?

---

* QuarkXPress — программа для верстки многостраничных изданий.

— Ее легче уволить, чем обучить, — нарываюсь сама на увольнение, осознавая, что Наталью, дочку подруги жены, никогда не уволят.

Присутствующие ахнули. «Нахалка», — доносится со стороны матери Дмитрия, Антонины Николаевны.

— Когда будет готов имидж для «Л'Этуаль»? — сверлит меня взглядом муж сестры Дмитрия.

— Если приступлю к доработке прямо сейчас, к вечеру будет готов.

Враждебная тишина вонзается в уши.

— Идите и пригласите Наталью.

— Хорошо, спасибо.

— Она еще и грызается, — шипит Антонина Николаевна.

Я выскользнула в приоткрытую дверь, зацепив все эпитеты, которые прозвучали. Я была неудобна с точки зрения дисциплины, но они не могли найти мне замену вот уже три года, поэтому терпели.

— Наташа, пройди к Дмитрию в кабинет.

— Опять пожаловалась?

— Ага, а еще предложила тебя уволить.

Наташа зыркнула на меня ненавидящим взглядом, взяла блокнот, ручку и побежала на ковер.

Днем я перебирала напитки, от кофе до мате, которые могли дать подобие силы, заглушив мою печаль, и останавливалась на пиве к вечеру. Притащившись домой к половине восьмого с другого конца Москвы, я плюхалась в ободранное кресло на балконе и напивалась в слепой беспомощности. Напротив меня устраивался Рустам, мой молодой человек, с которым мы вместе приехали из Магнитогорска покорять Москву. Мы вели «умные» беседы, обсуждая новинки кинематографа и литературы, вспоминая факты биографий

многострадальных художников, мечтали когда-нибудь проявить свой творческий потенциал и вырваться из этой дыры.

Я считала себя продвинутой интеллектуалкой, недоумеваю, почему карьера не приносит удовлетворения. Раз за разом проживала один и тот же поведенческий паттерн: глушила алкоголем неудовлетворенность от нелюбимой работы. Радости жизни меркли в свете этого устоявшегося шаблона. Уставшее тело плелось в офис, уставший разум выполнял однотипную механическую работу, уставший дух не подавал признаков жизни, отрезая от источника вдохновения. «А я только что встал и уже устал», — слова песни группы «Ноль» каждое утро звучали как приговор.

Восьмое июля — мой день рождения; очень надеюсь, что коллектив не устроит балаган с поздравлениями и я спокойно исчезну из офиса ровно в шесть. Напьюсь дома, а завтра не выйду на работу. От такой перспективы я аж подпрыгнула от радости. Буду пластом лежать и не двигаться, просто ни одного движения не сделаю. Постараюсь забыть, что у меня в жизни есть работа, коллектив и офис.

К половине шестого у нас в комнате сломался кондиционер и через раскрытые окна вместе с пылью стала проникать духота знойного июля. Без десяти шесть в кабинет ввалилась вся офисная братия с сухим бисквитом под самостоятельную хеппибездейту. Меня передернуло. Мне вручили открытку с приторными котятками, на развороте которой я узнала старательный почерк Наташи, внизу, как водится, сердечки; разношерстные цветы и ветки, нескладно сложенные в букет, обернутые куском цветного целлофана, в центре которого красовался красный бант на скрепке, и бутылку шипучего с неизвестным и незапоминающимся названием. В руках у бухгалтера — почтовый конверт. После песни, пожелания успехов в работе и личной жизни пришлось хрустеть

бисквитом в неудобной тишине. Последние силы были потрачены на вежливую улыбку. Кто-то ушел, совсем бесчувственные остались выпить и поговорить. Духота нагнетала обстановку, липкий пот лился ручьем. Я смиренно глотала застрявшие в горле отвратительные пузырьки.

Как я здесь оказалась? Что со мной не так?

Когда шипучка закончилась и все разошлись от моего стола с эхом невразумительных, не относящихся ко мне пожеланий, я выскочила из офиса, стыдливо заглушая волну слез. Всю дорогу до метро держалась под пристальными взглядами сослуживцев, держалась на эскалаторе, держалась первые две станции, на третьей — волна накрыла, ослепляя и поднимая смешанное чувство неудовлетворенности, стыда и жалости к себе. Несчастье навалилось тяжелой ношей. Выйдя из метро, я уже не сдерживалась. Если вы в тот день видели утопающую в слезах девушку в районе Нахимовского проспекта — это была я.

В этот день рождения я с блеском отпраздновала предательство себя.

На следующий день не вышла на работу, сорвав все сроки сдачи буклета в печать. В отделе были еще два дизайнера, которые могли работать над буклетом. Но у Дмитрия было маниакальное убеждение, что все проекты должны проходить через меня. Вышла я только в понедельник, иссохшая и вялая. Ватное состояние было своеобразным абсорбентом гнетущей реальности.

— Дарья, — пронеслось по коридору.

Я бежала. Как только зашла в кабинет, сквозняк с грохотом захлопнул за мной дверь. Мне почему-то стало неловко за этот звук. Сердце колотилось. На меня смотрели все кровные и не кровные родственники семьи Крыжиных.

— Дарья, почему вы так и не сдали буклет к сроку? — ледяные нотки в голосе Дмитрия немного отрезвили ум.

— Извините, Дмитрий, я немного приболела, но я отдала распоряжение Ольге, чтобы она закончила работу, и уже сегодня макет уйдет в печать.

— Я не утвердил эту вашу дешню, — Дмитрий был парнем из девяностых, который запросто кидал в сотрудников тяжелой канцелярией из малахита со своего стола.

— Да, знаю, сегодня все исправлю.

— Дарья, вы понимаете, что ваш отдел мертвый? Как я могу вам доверять, если вы неспособны обучить людей и постоянно болеете? Вы срываете сроки, ваши подчиненные выпускают откровенный шлак. Нафига вы мне все нужны, вас кормить?

Стыд настойчиво поднимался из памяти. Я вспомнила, как на линейке перед всей школой нашу троицу отчитывали за двойку по поведению. А ведь мы просто во время урока пробежали по коридору, громко хихикая. «Как не стыдно? Как пионерские галстуки не жгут вам грудь?» — эту фразу помню до сих пор. Девятилетним ребенком я представляла яркую картину, что за любую провинность у меня вспыхивает обжигающее пламя праведного пионерского галстука. Только когда упразднили пионерскую организацию и мы в восьмом классе сняли обязательный элемент с шеи, я вздохнула полной грудью.

— Простите, Дмитрий, я постараюсь все исправить!

— Постараюсь? Да вы не способны ни на что, кроме как оправдываться и болеть. Идите вы на ... со всей своей шоблой.

Меня прошиб холодный пот. По позвоночнику прошел электрический разряд. Вот он — момент истины! Вот она, правда! Пространство со шлепком выдавило меня из компании, как инородное тело.

— Хорошо, — ответила я и вышла. На этот раз дверь жалобно закрипела и тихо щелкнула замком.

Я зашла в туалет, села на подоконник и заплакала. Так просидела пару часов, не в силах оттуда выйти. Меня никто не успокаивал, все притихли в ожидании развязки. Немного восстановившись, я прошла в отдел кадров и написала заявление по собственному желанию. Мне его заверили.

— Надо подождать, — резюмировала начальница отдела.

— Чего?

— Решения Дмитрия.

— Э-э-э, так вы сходите к нему и узнайте.

— Он сейчас не в духе, не хочу попасть под горячую руку. Может, останешься?

Я отрицательно покачала головой. Не зная, как поддержать запуганную женщину, которая вот уже три года не могла найти мне замену, я направилась к своему рабочему месту. Собрала свои пожитки под одинокое клацанье Наташи по клавиатуре. Люминесцентная лампа над моим столом с треском замигала на последнем издыхании и потухла, издав протяжный «дзинь». Стол и доска над ним осиротели, оголив безобразие этого места.

— Всем пока, — попрощалась я с растерянными сослуживцами.

— Пока, — без энтузиазма проводили меня люди, с которыми я так долго делила затянувшиеся рабочие будни.

Когда я вышла на улицу, дул свежий ветер и светило солнце. Я подставила лицо его лучам. Было приятно. Я свободна. Тело мое расслабилось и обмякло, я села на лавочку и расплакалась. Это были слезы тихой радости. Я свободна. У меня не было ни одной идеи, чем буду заниматься, отсутствовали какие-либо накопления, но я почувствовала поднимающуюся изнутри силу, которая пульсировала в каждой клетке моего

тела. Я свободна. Ветер обдувал мое лицо, я сделала большой вдох и почувствовала особенный воздух внутри. Он был другим, я не могла им надыхаться, как будто много лет была пленницей с ограниченным доступом кислорода и света. Мягкие теплые лучи солнца проникали под кожу и растекались вместе с кровью по всему организму с осознанием — Я СВОБОДНА. Я все сделала правильно, ни капли сожаления и страха.

Придя домой, я написала на листе бумаги формата А4:

Подвиг № 1.

Уволилась с работы

и повесила его в центр чистой белой стены. Так просто и не просто было совершить этот шаг. Я шла к нему три года с того самого дня первой рабочей недели, когда поняла, что такой формат мне не подходит. Ритм офисных будней противопоставлен биоритмам природы, нарушена гармония, сбиты все циклы. Жесткая обусловленность временем, пространством и правилами компании делают из человека бездушную машину. Но я выкарабкалась, у меня получилось.

Я решила понять, о чем действительно мечтаю и чем хочу заниматься. Для этого отправилась на родину в Сердобск. Стояло жаркое лето с проливными дождями, мой распорядок дня замедлился. Я никуда не торопилась, много гуляла, возвращаясь воспоминаниями в детство. Вот здесь я упала с яблони, ободрав кожу от шеи до пупка; ссадины заживали все лето, зато я добыла зеленое незрелое яблоко, посыпала его солью и оно стало сладким. А здесь продавали самый вкусный бородинский хлеб, за которым я ездила на велосипеде, а на обратном пути медленно шла пешком, чтобы насладиться хрустящей корочкой. Здесь стояли автоматы с газировкой,

на которую мы бережно откладывали «трюльнички»*, честно заработанные на детском концерте. Вот церковь, в которой меня крестили, там запах ладана окутывает с головы до ног, там завораживает роспись потолка. Вот речка Сердоба, в которой мы плескались, а потом, очоленевшие, выскакивали на песчаный берег, усаживались в кружок и за пару минут сме­тали незамысловатый «ланч», из сочных помидоров «бычьё сердце» с баушкиного огорода и бородинского хлеба.

Возвращаясь с прогулки, мы садились пить мамин фир­менный чай, с душицей, чабрецом, липой, зверобоем и тыся­челистником. Рецепт со временем видоизменялся, но всегда хранил незывлемые ингредиенты — мамину щедрость, заботу, мудрость и любовь.

Так я провела месяц, очищаясь от токсичных установок, исцеляясь памятью об истинной себе и любовью родных лю­дей. За это время мне неоднократно звонили все родственники Дмитрия с целью вразумить и вернуть в обойму. Предлагали новые условия и увеличенную зарплату. После их безуспеш­ных попыток в качестве контрольного выстрела позвонил сам Дмитрий и как ни в чем не бывало спросил, когда я вый­ду на работу. Осечка. Я осталась честной с собой. Дмитрий не плохой человек и уж тем более не злодей. Но в моей жизни он стал фигурой, которая вобрала в себя все несовершенства офисной культуры. Мне нужен был суровый хлыст, чтобы прийти в себя.

Так чего же я хочу?

---

* Трюльничек — в советское время так называли монету номиналом три копейки.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

